

Для цитирования: Жилина В. А., Креписов К. М. Проблема онтологизации нормативного бытия в религиозной практике человека // Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 07—14. DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14.

УДК 124.5

DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14

ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЗАЦИИ НОРМАТИВНОГО БЫТИЯ В РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКЕ ЧЕЛОВЕКА

Жилина Вера Анатольевна,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, профессор кафедры философии, доктор философских наук, Магнитогорск, Россия.
E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Креписов Константин Михайлович,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, аспирант кафедры философии, Магнитогорск, Россия.
E-mail: philosophybox34@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме нормативности социального бытия. В сравнительном анализе философии права, гуманитарных и социальных исследований доказательно обнаружены основания онтологической укорененности нормы в бытии человека. Гипотеза данного исследования состоит в том, что норма является не просто особым способом регуляции поведения, а есть основная форма человеческого существования. Раскрыта онтологическая природы нормы вне семантического аспекта ее отдельных проявлений. Для этого основанием анализа определен Декалог, где впервые осуществлена попытка закрепить «чистую» норму. Показано, что норма рождается в диалектике запрета и долженствования в рефлексивных процессах действий социального субъекта. Предпринята попытка целостного анализа нормативности социального бытия.

Ключевые слова:

норма,
субъект,
онтология,
запрет,
долг,
религия

Введение

Нормативная составляющая социального бытия всегда сохраняет свою актуальность в теоретических исследованиях общества и человека, но, вместе с тем, данное проблемное поле не имеет четких демаркационных линий в философском, гуманитарном, социально-социологическом анализе. Норма зачастую отождествляется с правилом, отсюда следует отсылка к закону, чаще в область правовых отношений, чуть реже сегодня в область морали, и, тем самым, в лучшем случае нормативность позиционируется как некая форма. Вследствие этого анализ имеющейся научной базы теоретических исследований вскрывает своеобразный разрыв: либо в работах акцентируется содержание некоторых нормативных актов, и тогда превалирует описательный подход в отношении к элементам этого содержания, либо норма рассматривается в системе регуляторов общественных отношений, где она теряет автономность и приобретает статус свойства таких устойчивых феноменов как мораль, право и т. д. [6; 13; 14] В первом случае часто говорят о правовых, моральных нормах в их исторических трансформациях, во втором — можно констатировать увлечение нормой в общей системе менеджмента. В силу предметности научного знания такое искусственное «обрезание» целостности нормы может быть даже эффективным в достижении конкретных результатов, но в философском поле данный традиционный срез нормы явно недостаточен. Это подтверждает и развитие социальной практики: чем более усиливаются коммуникационные связи социальных субъектов, тем актуальней становится проблема нормативности социального бытия. Наглядней всего недостаточность одностороннего понимания нормы проявляет себя в деструктивных тенденциях развития общественных отношений. Помимо того, что во всех проявлениях экстремизма, терроризма сразу встает вопрос о соотношении их наличия в социуме с нормой поведения и общечеловеческой моралью, что заставляет правовое, моральное поле культуры остро реагировать на случаи их проявления, любая деструкция, парадоксальным образом, в процессах рефлексии современного социального субъекта начинает претендовать на сам статус нормы. Следует предположить, что фундамент этих процессов выстраивает современная мифология, которая по законам мифа, убирая ответственность и размывая мораль, способна конструировать собственные оболочки

нормы. В этом аспекте представляется, например, что фраза «свобода есть познанная необходимость» по семантическому происхождению менее философская, но более мифологическая. Именно миф конструирует «подходящую» необходимость. А результатом становится позиционирование свободы либо как случайного свойства человеческого бытия, либо в качестве инструментария подчинения миру. Вместе с тем, именно норма с самого начала формирования человеческой культуры вбирает в себя особенности человеческого включения в мир. Будучи «выброшенным» за рамки мира, не имея изначальной морфологической приспособленности к среде, человек вынужден искать способ включения в этот мир и сразу попадает в действие двух необходимых плоскостей — естественной, природной и собственной, социальной. Точкой пересечения и становится норма. Впоследствии в этой точке и начинается складываться объективная двойственность природы нормы. Вместе с тем, норма есть явленность человека, а следовательно, затрагивает саму сущность человеческого бытия. В этом срезе норма формируется в просвете бытия, она снимает в себе и запрет, и долженствование. Так начинает складываться субъектная сторона нормативности. И объективная, и субъектная стороны образуют целостность, универсальность нормы. Но в культуре норма как целое, как автономная сущность проявляется в доминанте той или иной стороны. В частности, запрет детерминирует появление правовой реальности, долженствование рождает мораль, снятие в норме природной необходимости через объективацию провоцирует развитие науки, а грани социальной необходимости формируют суть социальных законов. Это доказательно указывает на то, что норма продуцируется и в явлениях надстройки, и в основаниях базиса социума. Помимо факта присутствия нормы в основных характеристиках социального бытия данный status quo убеждает в насущной необходимости раскрытия истинной природы нормы как отражения родовой сущности человека. В современном анализе социального, когда в силу многих причин конкретные проявления нормативности — мораль, право мозаично распадаются на некие эмпирически окрашенные картинки конкретных поступков человека раскрытие универсального основания способно проявить действительные причины происходящих процессов и, тем самым, например, минимизировать риски все тех же деструктивных явлений в обществе.

В раскрытии истинной онтологической природы нормы следует идти от форм объективированного мировоззрения в силу того, что в них наиболее сохранна целостность самого человека. Среди них наибольший интерес представляет религия, так как именно в рамках этого типа мировоззрения человек открыто позиционируется в особом статусе, в силу трансцендентности сверхъестественного абсолютизирован запрет нормы и одновременно констатируется априорность закона. Выбор такого основания анализа особо актуален в наши дни, когда религиозное поле неуклонно расширяется, религия мимикрирует даже под формы строгой рациональности и, к сожалению, именно религиозное поле чревато ростками деструктивных моментов в социуме.

Целью данной статьи является доказательное обоснование онтологической природы социальной нормативности через исследование специфики норм Декалога Ветхого Завета. Декалог в отличие от аналогичных семантических закреплений нормы в более ранних языческих источниках максимально очищен как от мифической составляющей, так и от вкраплений ритуальных элементов, которые настоятельно требуют религия как форма закрепления общественного опыта человека. Так, в первой заповеди «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» [2, Исх., 20:2-3] онтологически закреплено время (через прошлое, настоящее и будущее), присутствие нормы в мире (через присутствие в нем Бога), содержательно отражена диалектика бытия — небытия (боги иные есть ничто, тогда как Бог есть Сущее), элиминированы все посредники между миром и человеком, ибо мир есть тварное от Сущего. Это позволяет предположить, что именно в этих фиксированных гранях отношения человека к миру и проявляет себя онтологическая укорененность нормы в бытии человека.

Методы и материалы

Ведущим методологическим основанием данного исследования является структурно-генетический подход, разрабатываемый в неклассических онтологиях социального бытия, что позволяет осуществить междисциплинарный подход в анализе реальной природы нормативности с применением методов эмпирического и теоретического уровней познания. Опора на региональные феноменологические онтологии, онтологии

человеческой культуры, диалектико-материалистические модели общественно-исторического процесса, духовной жизни общества позволяют проследить динамику человеческого бытия и конкретизировать место нормы в нем. Активно задействованы принципы феноменологической методологии — принцип интенциональности сознания и принцип беспредпосылочного описания трансформаций нормы в культуре для определения эволюции изменений ее семантики и формы. Исследование также опирается на герменевтическую методологию, применение которой позволяет уточнять характеристики религиозной трактовки нормы на примере первой заповеди Декалога Ветхого Завета через истолкование многообразия внутренних связей Я. В анализе диалогичных моментов взаимоотношения Я с Ты герменевтический опыт раскрывает предельность нормы в экзистенции как границы освоенной и постигаемой человеком реальности. Для организации материала в исследовании использованы системно-структурный, исторический подходы, метод аналогии и восхождения от абстрактного к конкретному, взятые в диалектическом аспекте, что позволяет структурировать качественную целостность нормативности вне ее конкретного содержания.

В основании исследования лежит анализ научных, философских и теологических подходов в анализе нормативности. В частности, значимым является позиция большинства библеистов в отношении Декалога в определении его сути в качестве Провидения, где заповеди являются отражением целостности триединства структуры (Бог-человек-мир), при этом трансцендентное начало не есть форма, а есть живое, действующее бытие (А. Мень) [9]. В силу специфики религии как формы объективированного мировоззрения именно в религиозных доктринах норма часто соотносится со свободой человека. Современная теологическая мысль на этом основании выдвигает концепции нормативного плюрализма как платформы бесконфликтной коммуникации (J. Giles). Нормативность как формализованный законодательством запрет традиционно рассматривается в рамках юридического анализа нормативности (А. П. Пинчук., Е. И. Тимофеев., Г. Е. Решетников). Однако следует отметить, что в современном философском анализе права правовая норма рассматривается не в традиционном противопоставлении иным формам нормы в культуре (чаще всего, морали), а в единстве с ними, что позволяет

говорить о некоторой внутренней морали самого права (Р. Силтала). В общей логике развития онтологии норма традиционно соотносится с необходимостью в рамках детерминистского подхода в дилемме свобода-несвобода. Исторически следует выделить два переломных момента этого аспекта позиционирования нормы: аристотелевское разделение, когда свобода помещена в природу, а запретные ограничения остаются в области разума и переворот эпохи Просвещения с закреплением свободы в Разуме. Выбор соответствующей позиции долгое время в истории теоретической мысли детерминирует сущностное понимание права. Однако для данного исследования наиболее значим индетерминистский подход к норме, складывающийся в XX веке (L. Huppes-Cluysenaer) [17]. В фактах смены положений общего подхода в философии права можно предположить предпосылки новой парадигмы в исследованиях права. Право, например, теперь не напрямую соотносится с законом, а через интенциональность сознания. Особенности правовой нормы исследователи анализируют в интуициях рефлексивного суждения, а не в механическом применении закона к факту (N. Smith) [19].

Научная новизна

Проведенный анализ позволяет сделать вывод об особом статусе нормативности в структуре социального бытия. Исследование построено на выявлении онтологического смысла нормативной составляющей первой заповеди Декалога Ветхого завета. Выбор религиозного поля в исследовании действительной природы нормы обусловлен спецификой данной формы объективированного мировоззрения. В частности, особую значимость представляет жесткая демаркация естественного и сверхъестественного, что в условиях доминанты Абсолюта способно проявить статус нормы в «чистом» виде. Одновременно специфика понимания в религии бытия самого Абсолюта как высшего закона, реальности и снятия всех основных характеристик мира сохраняет целостность и единство нормы и ее носителя. В этой логике доказана недопустимость сведения нормы к простому способу регуляции поведения человека. Онтологическая укоренность нормы в субъекте раскрыта в анализе допустимых пределов действия, стремления, которые являются и формой сохранности человека во взаимодействии с миром. Специфика данного исследования заключается в рассмотрении нормы в процессах

самоограничения субъекта, в качестве грани его устойчивости.

Результаты и обсуждение

Гипотеза данного исследования состоит в том, что норма является не просто особым способом регуляции поведения, а есть основная форма человеческого существования. В частности, норма — это конкретизация состояния общественных отношений, она являет себя в коммуникациях и по своей природе не исчерпывается закрепленными правилами поведенческой культуры. Нормативность есть снятая диалогичность человека, она рождается «между» [8; 11]. В этом аспекте можно увидеть некоторую аналогию нормы герменевтически понимаемому тексту. Как понимание смысла отрывка текста или фрагмента повседневно высказывания зависит от схватывания всего горизонта смысла, так и исследование нормы невозможно в отрыве от ситуации ее раскрытия или вне проблемы, где она претендует на доминирующие позиции. Представляется значимым и тезис Гадамера о формировании предрассудками некоторой первичной платформы, отталкиваясь от которой человек и способен вступать в мир. В данном случае следует рассматривать наличие таких «предрассудков» в качестве некоторой априорной данности мира человеку. В первой заповеди такая данность закреплена особой причинной связью — указанием на освобождение из рабства [12].

Человек есть тварное существо наряду с миром, как тварь неотъемлем от этого мира. Но одновременно человек выше этого мира. Я вывел тебя из дома рабства, и Я есть подлинно Сущее. Человек ДОЛЖЕН выйти из мира и остаться в этом мире. Основанием такого выбора не может остаться мир, мифология убедительно это демонстрирует: огонь Прометея не нужен людям, они поглощены этим миром, и этот внешний для человека бунт (восстание Прометея против воли Зевса) необходим, чтобы разбудить спящего человека. И при выходе из экзистенции в подлинный процесс бытия человек ощутит необходимость огня — в осознании своего родового качества: нормативности, благодаря ей он сможет стать выше ситуации [1]. Отсюда норма не есть творение субъекта, не есть и сам субъект. Норма — это событие, в которое и вовлечен субъект. «История не принадлежит нам, но мы принадлежим ей» [3, с. 63]. Косвенным доказательством может служить критика Марксом Фейербаха, где главным недостатком выделяется сведе-

ние сути религии к простой человеческой природе. «Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [15, с. 126]. Нормативность снимает в себе простую принадлежность человека миру и истории. Собственно, нормативная составляющая человеческого бытия — это позитивная способность человека конструировать смысловую реальность [20].

Представляется значимым такое акцентирование места нормы в структуре человеческого бытия для теоретического анализа. Данное понимание позволит избежать заблуждений вследствие односторонности в исследовании целостности социальных феноменов. В отношении выбранного нами нормативного закрепления отношения к миру, например, в русле юридических наук содержание первой заповеди традиционно трактуется исключительно в контексте смыслов монотеизма и в последующем закреплении нормы в статье о свободе совести в конституциях развитых стран [5; 10]. Норма в таком случае становится несколько плоской и сводима к схеме социальной иерархии: Бог — властители — подвластные. В лучшем случае позиционируется наличие рефлексивных элементов в функционировании нормативного начала — в отношениях человека к Богу. Но и в этом аспекте просто проводятся аналогии с имеющимся законодательством. Отсюда норма неизбежно начинает пониматься как механизм принуждения. Вследствие теоретического заблуждения возможно обратное влияние в социальной практике: сформулированные в рамках такой нормативности законы не могут быть эффективными, так как идут в конфликт со свободой как родовым свойством человека.

В реалии смысл заповеди гораздо богаче и выходит за рамки единичного субъекта. «Я господь твой...» — обращение к каждому автоматически снимает анонимность единичных субъектов, индивидуальность обращена в ответственность и, вместе с тем, ответственность каждого типична: из плена египетского выведены все. Следует обратить внимание на косвенное доказательство невозможности сведения нормы к контенту, в частности, к морали [4]. Мораль может терпеть безличность, будучи сращена с властью как главным регулятором в обществе. Но нормативность ее будет вызывать большие сомнения. И это объективно обусловлено: намеренно сужено поле нормативности, а искусственные конструкты не жизнеспособны в области бытия.

В логическом срезе исторического неизбежно обнаруживается факт раскрытия истории в области нормы. Помимо того, что историческая практика свидетельствует о причинном статусе трансформаций нормативности, что и вызывает к жизни разные последствия в социальной жизни, само ядро исторических закономерностей нормативно. Примечательно, что превращение истории в научную дисциплину на принципах повторяемости и проверяемости исторических фактов также является следствием допущения некоторой априорной нормативности. Так, привычное и традиционное деление на эпохи согласно формационному структурированию истории есть следствие нормативного соотношения базиса и надстройки. И следует отметить, что такое нормативное соотношение не является зеркальным отражением некоторых объективных закономерностей. Это абстрактная умозрительная нормативность, которая являет себя в противоречии между реально происходящим и рефлексивным.

В реальности норма — это самоограничение субъекта. Но специфика человеческого включения в мир состоит в процедуре постоянного выхода за рамки себя [7]. Получается границы демаркации Я размыты, подвижны. Религия стремится их прояснить через границы Абсолюта — в форме категорического запрета: не будет других Богов. Но сама граница не может контактировать с границами Я: сверхъестественное трансцендентно, оно по ту сторону от человеческого бытия. В этом разрыве и возможно проследить реальный статус нормативности. Норма в деятельности отождествляется с допустимыми пределами действия, будучи формой сохранности человека как в мире естественном — в природе, так и в искусственно создаваемом — в социальном. Следовательно, человек априорно нормативен в аспекте собственной упорядоченности в мире. Но в силу общественного характера человеческого бытия (у каждого субъекта есть свой плен египетский как пересечение подчинения законам среды и законам социума) норма объективируется в культуре, отчуждается и становится чем-то внешним противоположным самой себе.

При этом сущность нормативности остается неизменной: норму можно констатировать как форму устойчивости Я. Но Я всегда находится во взаимодействии и диалоге с иным: со средой, другим Я, где и формируется социальность [21]. В пересечении смысловых рефлексий таких неизменностей рождается автономность нормы. В этом плане

норма есть некий аналог анонимного Ты. Неизменная форма Я отстоит от реального и воспринимается им как нечто внешнее. «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» [2, Исх., 20:2-3]. Отсюда понятен смысл взятой в качестве условного фундамента построения сущности нормы заповеди: неизменное Я (как явление нормы) способно вывести человека из плена мира, но перед «лицом» Я никаких других посредников не может быть. Этим объясняется разрыв нормативности и юридического закона, когда последний имеет низкий социальный КПД.

Следует отметить, что граничное положение нормы не означает ее отрыв от субъекта, так как она остается модусом его экзистенции. Объективация нормы в культуре в виде морали, права, эстетического идеала и т. д. можно рассматривать в качестве некоторых внутренних границ существования человека. Здесь норма ближе всего к игровому аспекту бытия человека: она проявляет себя в той мере, в какой в действии явлен непосредственно запрет, а последний соотношен с содержанием долженствования, которое значимо для субъекта именно в этот момент. Именно поэтому норма не является использованием готовых алгоритмов действия, закрепленных раз и навсегда. Норма формируется каждый раз и во взаимодействии многих волей субъектов. Ты (от человеческого Я до любого феномена культуры) отталкивает Я, тем самым выводя из рабства (подчинения миру, другим), но не оставляет неопределенность: не будет других богов, то есть во многих текущих проявлениях норма сохраняет собственную сущность. Доказательство обнаруживается и в области философии права. Исследователи указывают, что вслед за историческими трансформациями человека обнаруживается и изменчивость нормативности, но при сохранении ее постоянных смыслов. Наиболее устойчивым предметным полем исследования правовой нормы в юриспруденции традиционно является теория естественного права. Исторически можно констатировать в области философии права в анализе данного феномена смену парадигм классического, схоластического, рационалистического подходов [18]. Современный научный подход интересен констатацией идеи наличия внутренней, то есть институциональной или процедурной, морали самого права, что ставит под сомнение традиционное жесткое разделение моральных и правовых норм. На место строгой демаркации приходит деление морали

долга и морали устремления, что позволяет говорить о некотором устойчивом неизменном минимальном содержании естественного права. Часто оно констатируется как проявление некоторого здравого смысла, лишённого морали, но представляющего некий синкретичный сплав ценности жизни, знаний, игры, эстетического опыта, общения (в нем особое место занимает дружба), практической разумности и «религии» [16]. В самой юридической практике это приводит к двойственной позиции: в зависимости от ценностных установок служителя закона сращивание правовой нормы с политической, религиозной или моральной может стать как высшим благом, так и предельной формой деструкции. Но эта проблема иного предметного поля: соотношения бытия права и его существования, в частности, на уровне законодательства. В аспекте рассматриваемой здесь проблемы в современном анализе естественного права обнаруживается действительное основание нормативности, которое формируется в живом взаимодействии запрета и долженствования.

Заключение

В современных условиях в силу усложнения социальных отношений не допустимо сводить норму исключительно к запретам. В условиях коммуникативного общества даже в практике регуляции поведения простой запрет уступает место запрету с обоснованием. Это доказывает, что нормативность по своей природе двойственна и обязательно включает в себя взаимодействие запрета и долженствования. С другой стороны, анализ работ в области философии права, этики, юридических и социальных наук убеждает, что при всей уникальности правовых, этических и других норм в них есть некое общее онтологическое основание, которое выступает универсальной формой бытия человека. Это позволяет предположить онтологический выход нормы за пределы свода правил поведения. При использовании герменевтического и феноменологического подходов можно констатировать, что нормативность рождается не в человеке, не заимствуется человеком из необходимости мира, источник ее развития находится между. Именно нормативность становится платформой экзистенциального бунта и позволяет человеку подняться над миром. Норма событийна в процессах бытия, что в определенном смысле позволяет человеку конструировать свой собственный мир. Религиозное

схватывание нормы наиболее близко к ее реальному существованию, так как именно религия впервые абстрактно позиционирует свободу родовым качеством человека. Свобода абсолютна, так как человек обладает особым статусом в мире, являясь связующим звеном между средой и Абсолютом. Отсюда первая заповедь Декалога способна прояснить действительный онтологический статус нормативности: упорядочивая экзистенцию, норма одновременно выводит из состояния рабства. Но она же и не допускает деструктивности — произвола, что жестко закреплено указанием на единственного Бога. Такой статус нормы включает ее в систему критериальных показателей социальности в целом. Отчасти на основаниях нормативности возможно построение модели соотношения базиса и надстройки. В процессах самоограничения субъекта норма обнаруживает собственную подвижность: она одновременно являет допустимые пределы деятельности и служит формой сохранности человека. В специфике такого взаимодействия обнаруживаются потенциальные причины отчуждения нормы в системе общественных отношений. Последнее всегда деструктивно в социальной практике. Именно в таких процессах отчуждения, например, кроется природа низкой эффективности действий юридических законов. В логике развития исторического процесса значима такая черта нормативности как векторное положение в пересечении многих воле социальных субъектов. Это не только объясняет суть социальной закономерности, но и показывает взаимосвязь всех регуляторов общественных процессов.

Статья поступила в редакцию 13.11.2021

1. Аристотель. Политика. М.: Академический проект, 2015. 318 с.

2. Библия. Русский синодальный перевод. Вторая книга Моисеева. Исход глава 20 // Библия Онлайн, 2003—2021. URL: <https://bibleonline.ru/bible/rst-jbl/ехо-20.2-17/> (дата обращения: 01.09.2021).

3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

4. Дробницкий О. Г. Моральное сознание и его структура // Вопросы философии. 1972. № 2. С. 32—42.

5. Ершов Ю. Г. Права человека как юридическая фикция и социокультурная ценность // Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 86—95.

6. Ефанова Л. Г. Норма как философская и семантическая категория // Вестник науки Сибири. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/norma-kak-](https://cyberleninka.ru/article/n/norma-kak)

filosofskaya-i-semanticheskaya-kategoriya (дата обращения: 10.11.2021).

7. Карнаух М. П. Экзистенциальный кризис как основа самопознания // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. 2005. № 2 (10). С. 55—57.

8. Мамардашвили М К Сознание и цивилизация. М. : Азбука, 2018. 352 с.

9. Мень А. Исагогика. Ветхий Завет // Собр. соч. Т. 8. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2019. 672 с.

10. Пинчук А. П., Тимофеев Е. И., Решетников Г. Е. След Моисеева Декалога в российском законодательстве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sled-moiseeva-dekaloga-v-rossijskom-zakonodatelstve> (дата обращения: 23.09.2021).

11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М. : АСТ, 2020. 1072 с.

12. Слободнюк С. Л. Запрет в первичной правовой реальности // Вестник Самарской гуманитарной академии 2012 № 1 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapret-v-strukture-pervichnoy-pravovoy-realnosti> (дата обращения: 29.10.2021).

13. Урысон Е. В. Понятие нормы в метаязыке современной семантики // Слово в тексте и в слове : сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 243—252.

14. Федяева Н. Д. Норма в кругу когнитивных феноменов // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы I Междунар. науч. конф. 5—7 октября 2011 г. / под ред. И. Ю. Колесова. Барнаул, 2012. С. 362—364.

15. Энгельс Ф. Л. Фейербах и конец немецкой классической философии. М. : Букинист. 1985. 128 с.

16. Giles J. (2020) A Theological Justification for Freedom of Religion and Belief as a Universal Right. In: Bunikowski D., Puppo A. (eds) Why Religion? Towards a Critical Philosophy of Law, Peace and God. Law and Religion in a Global Context, vol 2. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-35484-8_6 (дата обращения: 10.09.2021).

17. Huppés-Cluysenaer L. (2013) Reasoning Against a Deterministic Conception of the World. In: Huppés-Cluysenaer L., Coelho N. (eds) Aristotle and The Philosophy of Law: Theory, Practice and Justice. Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice, vol 23. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-007-6031-8_2 (дата обращения: 01.09.2021).

18. Siltala R. (2011) Natural Law Philosophy: Law as Subordinate to Social Justice and Political Morality in Society. In: Law, Truth, and Reason. Law and Philosophy Library, vol 97. Springer, Dordrecht. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-1872-2> (дата обращения: 10.09.2021).

19. Smith N. Introduction to the special issue on continental philosophy of law. Cont Philos Rev 42, 1—4 (2009). <https://doi.org/10.1007/s11007-009-9099-8> (дата обращения: 10.09.2021).

20. Zhilina V. A., Kuznetsova N. V., Akhmetzyanova M. P., Teplykh M. S., Zhilina E. A., Prilukova E. G., Bashirova T. A. The issues of the dialogue of a modern subject with the society // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2019. С. 3454—3461.

21. Zhilina V. A., Kuznetsova N. V., Akhmetzyanova M. P., Zhilina E. A. Modern characteristics and mechanisms of identification of social subject // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich. Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute. 2020. С. 2742—2749.

References

1. Aristotel' (2015) Politika. [Politics]. Moscow, Akademicheskij proekt, 318p [in Rus].

2. Bibliya. Russkij sinodal'nyj perevod. Vtoraya kniga Moiseeva. Iskhod glava 20 // Bibliya Onlajn, 2003-2021 [The Bible], available at: <https://bibleonline.ru/bible/rst-jbl/exo-20.2-17/> (accessed 01.09.2021) [in Rus].

3. Gadamer, H.-G. (1988) Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki. [Truth and method. Fundamentals of philosophical Hermeneutics]. Moscow, Progress, 704 p.

4. Drobnickij O. G. (1972) Voprosy filosofii, no. 2, pp. 32—42 [in Rus].

5. Ershov YU. G. (2021) *Socium i vlast'*, no. 2 (88), pp. 86—95 [in Rus].

6. Efanova L. G. Norma kak filosofskaya i semanticheskaya kategoriya. *Vestnik nauki Sibiri*, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/norma-kak-filosofskaya-i-semanticheskaya-kategoriya> (accessed 10.11.2021) [in Rus].

7. Karnauh M.P. (2005) *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova*, no. 2 (10), pp. 55-57 [in Rus].

8. Mamardashvili M K (2018) *Soznanie i civilizaciya [Consciousness and civilization]*. Moscow, Azbuka, 352 p. [in Rus].

9. Men' A (2019) *Isagogika. Vethij Zavet [Isagogics. The Old Testament]*. Sobr. soch. Vol. 8. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarhii, 672 p. [in Rus].

10. Pinchuk A. P., Timofeev E. I., Reshetnikov G. E. Sled Moiseeva Dekaloga v rossijskom zakonodatel'stve. available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sled-moiseeva-dekaloga-v-rossijskom-zakonodatel'stve> (accessed 23.09.2021) [in Rus].

11. Sartr Zh.-P. (2020) *Bytie i nichto [Being and Nothing]*. Moscow, AST 1072 p. [in Rus].

12. Slobodnyuk S.L. (2012) *Zapret v pervichnoj pravovoj real'nosti. Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii*, no. 1(11), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapret-v-strukture-pervichnoy-pravovoy-realnosti> (accessed 29 11 2021) [in Rus].

13. Uryson E.V. (2000) *Ponyatie normy v metazyke sovremennoj semantiki [The concept of norm in the metalanguage of modern semantics]*. Slovo v tekste i v slovare: sbornik statej k 70-letiyu akad. YU.D. Apresyana. Moscow, pp. 243—252 [in Rus].

14. Fedyaeva N.D. (2012) *Norma v krugu kognitivnyh fenomenov [The norm in the circle of cognitive phenomena]*. Funkcional'no-kognitivnyj analiz yazykovykh edinic i ego aplikativnyj potencial: materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 5-7 oktyabrya 2011 g. / pod red. I.Yu. Kolesova. Barnaul, pp. 362—364 [in Rus].

15. Engel's F. L. (1985) *Fejberah i konec nemeckoj klassicheskoj filosofii. [L Feuerbach and the End of*

German Classical Philosophy] Moscow, Bukinist, 128 p. [in Rus].

16. Giles J. (2020) A Theological Justification for Freedom of Religion and Belief as a Universal Right. In: Bunikowski D., Puppo A. (eds) Why Religion? Towards a Critical Philosophy of Law, Peace and God. Law and Religion in a Global Context, vol 2. Springer, Cham, available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-35484-8_6 (accessed 10.09.2021) [in Eng].

17. Huppel-Cluysenaer L. (2013) Reasoning Against a Deterministic Conception of the World. In: Huppel-Cluysenaer L., Coelho N. (eds) Aristotle and The Philosophy of Law: Theory, Practice and Justice. *Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice*, vol 23. Springer, Dordrecht, available at: https://doi.org/10.1007/978-94-007-6031-8_2 (accessed 01.09.2021) [in Eng].

18. Siltala R. (2011) Natural Law Philosophy: Law as Subordinate to Social Justice and Political Morality in Society. In: Law, Truth, and Reason. Law and Philosophy Library, vol 97. Springer, Dordrecht, available at: <https://doi.org/10.1007/978-94-007-1872-2> (accessed 10.09.2021) [in Eng].

19. Smith N. (2009) Introduction to the special issue on continental philosophy of law. *Cont Philos Rev* 42, 1—4, available at: <https://doi.org/10.1007/s11007-009-9099-8> (accessed 10.09.2021) [in Eng].

20. Zhilina V.A., Kuznetsova N.V., Akhmetzyanova M.P., Teplykh M.S., Zhilina E.A., Prilukova E.G., Bashirova T.A. (2019) The issues of the dialogue of a modern subject with the society. V sbornike: The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS, pp. 3454—3461 [in Eng].

21. Zhilina V.A., Kuznetsova N.V., Akhmetzyanova M.P., Zhilina E.A. (2020) Modern characteristics and mechanisms of identification of social subject. V sbornike: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of Turkeyev Hassan Vakhitovich. Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute. pp. 2742—2749 [in Eng].

For citing: Zhilina V.A., Krepisov K.M.

The problem of ontologizing the normative being in the religious context of a person // *Socium i vlast'*. 2022. № 1 (91). P. 07—14. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14.

UDC 124.5

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14

THE PROBLEM OF ONTOLOGIZING THE NORMATIVE BEING IN THE RELIGIOUS CONTEXT OF A PERSON

Vera A. Zhilina,

Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, Professor of the Department of Philosophy, Doctor of Philosophy The Russian Federation, Magnitogorsk. E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Konstantin M. Krepisov,

Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, The Russian Federation, Magnitogorsk. E-mail: philosophybox34@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of social existence normativity. In the comparative analysis of the philosophy of law, humanities and social studies, the foundations of the ontological rootedness of the norm in human existence have been evidently found. The hypothesis of the study is that the norm is not a special way of regulating behavior, but is the main form of human existence. The ontological nature of the norm outside the semantic aspect of its individual manifestations is revealed. For this purpose, the basis of the analysis is determined by the Decalogue, where for the first time an attempt was made to consolidate the "pure" norm. It is shown that the norm is born in the dialectic of prohibition and obligation in the reflexive processes of actions of a social subject. An attempt is made to comprehensively analyze the normativity of social existence.

Keywords:

norm,
subject,
ontology,
prohibition,
duty,
religion